

О. ДЖУРКО

ИЗБРАЖНОЕ ИЗБРАЖНОТО - 3

18+

Олег Джурко

Избранное избранного – 3

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Джурко О.

Избранное избранного – 3 / О. Джурко — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Искушаемое искусил. Недоступное слямзил. Щедростью пресытился.
Предательства избежал. Лишнее отдал. Любовь пас на горних лугах как
дар случайный, преходящий. Дом построил и не один. Свое пополам с
чужим выпил. Должное забыл. Что не обломилось мне, на том да не свернет
шею другой. Осталось сказать себе – а что потом? Потом снова - все будет
с другими, будет изучено, пережито классифицировано, приспособлено,
утилизировано. Иначе ничего кроме тоски.

Крик возмущения вместо благодарности, первое что слышит мир от новорожденного, не по своей воле покидающего благодатную материнскую утробу. Крик вызова на вечную борьбу обреченного жить по чужим правилам прежде чем умереть в битве за возвращение к истокам жизни самой матери – в утробу земли, теперь уже навечно.

Смерть обещает больше чем рождение, – вечность вместо мук состязания с жизнью за кусок хлеба.

Справедливость глупа, иначе нашла бы способ угодить и вашим, и нашим.

Никогда не угадаешь на кого в угаре ставит удача, на Меркурия или Черта.

Спорт возможность избавиться от лишнего здоровья.

Главное не футбол, но место на трибуне в первом ряду.

Костный мозг ног – интеллект спорта.

Спорт – дорога мужества к ранней инвалидности.

Спорт профессия молодых инвалидов

Футбол – мания впавших в детство

Справедливость дубина не каждому по силам.

Трофей победа добычи.

Война оружие справедливости.

Справедливость нуждается в деньгах, чтобы быть независимей в своих пристрастиях.

Закон мускулы слабака.

Справедливость невозможна без жертв беззакония.

Справедливость торжествует на костях жертв беззакония.

Справедливость вечно опаздывает на вопли закона, изнасилованного чиновниками.

Грозно машет кулаками справедливость после драки.

Реальность преступления жестока, иллюзии справедливости после драки бальзам для помятой кулаками души, она всегда готова принести вас в жертву себе.

Возмездие и это невыносимо для потерпевших из-за ее запоздалой неотвратимости.

«Каждому – свое» обычно находишь в чужом кармане.

Зубастую Несправедливость – наказывать стремимся наказать беззубой справедливостью.

Справедливость прекрасна как роза благоухающая среди чертополоха.

Справедливость неотвратимо предполагает, пока негодяйство поспешает располагать.

Он алхимик мысли, добывающий яд иронии из растительной примитивности здравого смысла.

Он прихорашивает мысли, ставшие скукой общеизвестного.

Ловкач высиживает свои яйца в чужих гнездах.

Оправдания отбросы непрожеванных глупостью мыслей.

Мозг жрет все что уши слышат, язык извергает, что невозможно прожевать.

Вечное – камни в почках истории.

Поэзия блеф воображения.

Земля единственное осмысленное конечное в безмозглой бесконечности вселенной.

Мода – страсть массового сознания к наркотику однообразия.

У оригинальности своя мода.

О женщине, как о покойнике – ничего плохого.

Когда задыхаешься от реальности, прячешься в блеф иллюзий искусства.

Земля самодетельное творчество обезьяны

Искусство – искусство делать деньги на искусстве.

Искусство никого не обманывает кроме самое себя.

Любовь арфа из железобетона секса.

Что у любви в фантазиях у женщины на уме, то у мужика в стакане. Что у любви мужика на уме, то у похмелья в голове.

Чем отличается любовь от вина? Любовь – не просыхает.

Любовь спилась бы на вечных свадьбах, крестинах, поминках, доверь ей земля балалайку свою.

Не была бы любовь пьяницей, не тянуло бы мужика на подвиги.

Героизм – самогон самопожертвования, не разбавленный шкурничеством.

На двоих любовь не делится, удовольствие это персональное.

Любовь – керосин в лампе одиночества, высвечивает постороннее лицо, что прячется по темным углам эгоизма.

Строит любовь воздушные замки, но живет на кухне.

Любовь превращает меня в зеркало, чтобы любоваться своим отражением.

Кукушка любви откладывает яйца в чужом сердце.

Не алкоголь буянит, пьянству алкоголь обязан своим героическим дураломством.

Пьянство – вред, но не грех же.

Алкоголизм всего лишь неумение затыкать бутылку своими мозгами.

Вино божье средство дознания. Что у вина на уме, то у пьяницы на языке.

Обычай – универсальные повадки беспринципного общества, стабильно дремлющим прошлым.

Сны человечнее реальности, – не стесняются исполнять наши желания, в которых стыдно признаться проснувшись.

Взятки – компенсация за неоплачиваемую властью инициативу.

Обряды религии превратили Веру в профессию.

Смысл жизни витает в мозгах, пока желудок не подскажет пути его реализации.

Работа не нуждается в смысле жизни, работа его вырабатывает по мене надобности.

Смысл жизни может оправдать даже прозябание ничтожества.

Смысл жизни не утоляет голод бесцельной жизни .

Жизнь любяшь, пока она ищет смысл поисков смысла жизни.

Поиск смысла жизни создает проблемы, не соизмеряясь справедливо с возможностями случая.

Смысл жизни уходит вслед за деньгами.

Смысл жизни делает человека излишне разборчивым в поисках средств для жизни.

Смысл жизни обретается в тюрьме, но только до побега.

Жизнь гордиться своим смыслом по самому пустяковому поводу, пьянство тому верный свидетель.

Легенды создают потомки, чтобы блистать своим славным происхождением.

Упорство доходящее до маниакального упрямства творца и- бездари, неизбежное условие торжества истины, как неизбежна склонность истины к взыскательному мазохизму, очищающему истину от пристрастия к аплодисментам бездарей, искушающих Истину божественным вкусом лести.

Невозможно доказать Истине свою родовитость, когда она всего лишь выбор из толпы безродных авантюристов славы, выбор оказавшийся богоугодным.

Нашел-таки хриstopродавец хриstopокупателя.

Гений авантюрист по крови, попирающий на лету пристойный порядок завистников, ожидающих, когда он сломает шею, чтобы блеснуть.

Человек – побитая собака, он боится даже своего крика о боли.

*Ум лошадка темная, поди угадай на кого он поставил, на Бога, на Черта, на обоих сразу?
Прошлое темнее будущего кое-как сколоченного текущим настоящим.*

Незыблемое – монумент глупости.

Глупость фундамент ума, почему ее стараются присыпать общеобразовательной трухой.

В толпе мы прячем страх разоблачения своей глупости.

Будущее не выученные уроки прошлого.

Прошлое не нуждается в благодарности будущего.

Благодаря священникам, религия не подменила Во мне Бога.

Правописание покушается на хлеб корректора.

Редактор прокурор грамматики, синтаксисом он вельможно оставляет пробавляться корректору.

История – неблагодарность прошлого многообещающему будущему.

Толпы всеобщее мурло.

Рождение – исход человека из лона природы в джунгли бытия.

Съел Адам кислое яблочко, да Еве в глаз...

Любовь – женская профессия, в отличие от любительского спорта мужиков.

Муж – кнопка пожарной сигнализации в доме с принаряженной бочкой пороха...

Церковь – богадельня для пышущих здоровьем молодцов и молодиц.

Ученость – знания, которым пренебрегло невежество за непригодностью.

Кичимся умом добытым в черноземе невежества.

Секс сделал человека женщиной.

Театр возникает, когда одной половине лодырей нечего продать, а другой половине нечего у них украсть, а времени хоть жопой ешь.

Воспоминаний много больше прожитого, но мемуары прожитого длиннее воспоминаний.

Воспоминания прижизненный памятник себе, не стоящий мне ни копейки.

Гениальность – нескромность ума...

На вес мозга куда меньше, чем его мемуаров.

Скромность уважают охотно, ее можно не вознаграждать.

Скромность – принуждение к комплименту ее неприятельности.

Скромность не нахальна, не навязчива, не притязательна, не слишком ли много, чтобы быть бескорыстной.

Вера – беспомощность ума и трусливость сердца.

История доверяет только камню, иначе любой проходимец себя увековечил бы в золоте.

У истории вкус шлюхи к золоту.

История пантеон вооруженных мясников и хриstopродавцев.

История профессия каменотесов и гробокопателей.

Очарование придает глупости царственные замашки.

Клятвы произносятся во хмелю благих побуждений.

Очевидное скорее имеет что скрыть, чем неочевидное, оно еще не обрело что стоит скрывать.

Любовь страсть, наступившая на грабли.

Говорить правду безопасно только, когда это правда лжи.

Мудрость изводит себя работой днем, снами по ночам, ей страшно наедине с собой бодрствующей предпочитающей учиться на чужих ошибках, вместо того, чтобы пользоваться своим умом.

Жизнь возделывает нивы, и смерть при деле, – возделывает кладбища.

Кнутом цивилизации я понуждаю мое несчастное животное, не желающее пастись на асфальте городов вместо цветущих натурально лугов, где цветы вытоптаны каблучками прекрасных дам, благоухающих синтетическими отдушками.

Влюбленный для моего рассудка я персона нон грата.

Удивляюсь, с какой решительностью мое животное защищает меня от цивилизации, воспринимающей меня как свой бессловесно тягловый механизм.

Женщина выпускает мое теплокровное на волю, как же и мне не любить ее благодарное теплокровное.

Душа шпионит зорко, едва прогнутая жесткие моральные устои, встрепетается Отец Небесный и назначает порку... А я как будто ни при чем...

Не испытав заслуженной порки, живешь как не в своей шкуре.

Порка кнутом предпочтительнее душевной смуты, задница перетерпит, у души задницы нет, только лицо.

Кошка полна умыслов, которые обречена исполнять доверчивая собака.

Ум – глупость, нуждающаяся в опровержении.

Опровержения блеск отточенного мученичества.

Чудо не оставляет нашему тщеславному воображению шансов чувствовать себя достойным уважения магии чудес.

Чуду без разницы, какому дураку втемяшится в башку на чудо полагаться, чудо дураку ничем не обязано, чудо по детски радуется, что надуло несчастного, кому его помощь была позарез нужна.

Школа преподает суеверия отживших знаний, чтобы до возмужания юное сознание не загнулось до срока под тяжестью объективных нелепостей реальности.

Суеверие для многих чудесное благо, оно делает реальность, запутавшуюся в противоречиях добра и зла, пригодной сохранить целостность по природе беспомощного сознания.

Цивилизация – чудовище, оно не оставляет возможности чувствовать себя приличным человеком существу, затырканным способностями ниже среднего уровня пригодности для общества потребления.

Принципиальность – ортодоксальность, вызубрившая расхожий минимум прогрессивной терминологии.

Человек – истина подозрительная в обществе граждан.

Когда меня окликают: гражданин! Невольно тревожусь, – чего еще я не додал обществу государства.

В обществе человек чувствует себя толпой.

Интуиция – нечистая сила на службе Божьего Создания.

Люди – базар-вокзал эволюции.

Человек – манекен в швальне Всевышнего.

Человек набивается в родичи Всевышнему.

Гений обезьяны использовал эволюцию всего лишь для того, чтобы помыкать другими обезьянами.

Душа спекулянта рада любой удаче, особенно афере.

Дом полная чаша? Чего именно полная?

У зла и мозги зубастые.

Радость – приписка мелким-мелким шрифтом внизу шикарной этикетки любви.

Навязываем вещам и явлениям природы свои предрассудки, они с удовольствием пугают нас приметами невежества.

Нет Создателю покоя, – нет отбоя от вымогателей дармовщины.

На трезвую головушку и радость черствая корка, заваливающаяся с прошлой пьянки.

Земеля во мне нудный трезвенник, мое млекопитающее – тороватый собутыльник.

*Для души пьяницы нет языкового барьера.
Пьяница дома за любым столом.
мировые проблемы от воздержания.
Трезвеннику не быть добрым человеком, не хватает широты души и божественной снисходительности поддавохи.
В лечении нуждаются алкаши, – и больше от трезвости души.
Метаферизм интеллектуальная матрица.
Аудитория метаферизма – Боги и простаки с поддатым сознанием.
Цивилизация делает нас всех на одно лицо, только вино делает нас разнообразными от веселья, – у каждого своя мера, своя философская программа.
Метаферизм ценят бабники и патологоанатомы.
Эх, жизнь. Днем – базар, вечером- пьянка, ночью- бордель, утром – покаянная молитва.
Свобода девка уличная, за красный сарафан с любым пойдет.
Свобода покушается на божьи прерогативы милосердия.
Свобода трудно в руки дается, словно предупреждает дураков, как трудно ее удержать от распутства.
Для дураков свобода доза аптекарская, капля на ведро, иначе – погром революции.
Свободы мало не бывает, но и кроме себя дать она не может ничего.
Жажда свободы – похмелье рабства.
Свобода – встречает у проходной в пятницу и провожает в понедельник утром.
Плохо в неволе, а какво Свободе, когда с надеждой смотрим ей в руки, а дать-то нам нечего.
Свобода личность без гражданства и места жительства – бродяга невольный.
Среди законопослушных Свобода приживалка.
Свобода прихоть интеллекта, но не плохого питания.
Свобода все никак не поделит гражданина с властью.
Свобода никому ничего не обещала, спрашивайте с агитаторов.
Дураки призывают на помощь Свободу, Свобода приносит спички, печально созерцает зарево бунта: что просили, то и принесла.
Никто свободным не станет, пока Свобода илется по баррикадам.
Посмотришь сну в глаза и делается не по себе, какие же мы скоты.
Только сны говорят о нас всю правду, сон не выключишь и не подмажешь.
Импотенту снится расправа с растленным общественным мнением.
Господи, отпусти поблудить.
Человек – то что осталось у него от Природы.
Чувства – суеверия любви.
Бойся жизни, смерть ее предлагает, чтобы разжиться на похоронах твоих.
Жизнь – кредит, дети проценты за пользование кредитом, на которых наживается коммерция человечества.
Собираясь пробраться в рай, запасайся сухарями, – нектаром да амброзией не насытишься.
Деньги обо мне знают больше, чем я о себе узнал за все 80 лет.
Мемуары – воспоминания Славы о мерзостях, которые она заставила меня совершить, пока я по головам полз к ее пьедесталу.
Демократия сама не придет, ее тащат в парламент за волосы побитой оппозиции.
Слава меняет душу на мрамор, честь на бронзу.
Чтобы стать легендой, Слава должна умереть вместе с современниками.
Слава – грех подбострастия современников, легенда ее грех потомков.*

У жизни дурные привычки, спит она с вами, а приглядывает место для монумента если не на площади, то хотя бы на кладбище.

Если бы мы не боялись возмездия покойников, на кладбищах шел бы пир горой.

Одно опасно в жизни, – привыкаешь жить.

С жизнью обращаемся как с наложницей, ты и приголубь, и докторам ее потрафь, и закону угоди, а уж мы тебя по всему городу на руках да с оркестром...

Жизнь всего лишь предоставляет реквизит, а что ты сыграешь, комедию или трагедию – воля твоя, а ей до лампочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.